

Незамеченный ГЕНИЙ

Из антологии
Евгения Евтушенко
«Десять веков русской поэзии»

Загадочная фигура Сергея Петрова впервые забрезжила передо мной в начале девяностых, когда научный редактор антологии «Строфы века» Евгений Витковский предложил для публикации четыре стихотворения под этим неизвестным мне именем. Я был поражён на редкость рассвобождённым, сочным, гибким, звонко-переливчатым языком неведомого автора:

Слушай, душенька, – спи или кушай,
не любуйся, голуба, со мной,
не кидайся на шею кликушей:
я по самые губы сумной.

А вот как говорил у него Гаврила Державин:

Шагаю по стерне шершавой,
хлебаю живописны ши...
А что там слышно за Варшавой?
Европа ропщет? Ну, ропщи!

Стихи были перепечатаны на машинке, подписи не было, и это натолкнуло меня на некоторые подозрения.

– Слушай, а по-честному – это не ты сам написал? – спросил я Витковского. – Ты ведь любишь пошутить. Да и стихи твои, которые я еле выцарапал для антологии, по стилю довольно близки:

– Был бы счастлив, если бы его стихи были моими. Но... – пожал плечами Витковский.

Мне ничего не оставалось, как поверить на слово, и я деловито спросил:

– Кстати, сколько лет этому твоему Петрову? И нет ли у тебя других его стихов? Мы могли бы напечатать их в антологии, если они на том же уровне, помочь ему...

– Поздно помогать. Его уже нет на белом свете. Три года тюрьмы и семнадцать ссылки, – вздохнул Витковский. – Я, правда, успел пообщаться с ним. А знаете, он был уникальным лингвистом. Переводил с пятнадцати языков. Особенно здорово – поэзию скальдов. Латышскому языку научился у соседа по камере, неграмотного хуторянина. Петровский перевод «Часослова» Рильке – это шедевр. Кстати, вы обратили внимание на его, как он называл, «углублённые рифмы»? Он начал их

разрабатывать, когда вы ещё в одной рубашонке по двору на станции «Зима» ползали, – в тридцатых годах. К сожалению, сейчас у меня в руках лишь эти четыре стихотворения. Да и их-то я едва разобрал на любительской плёнке. Но я обязательно разыщу его остальные стихи и выпущу книгой.

Евгений Витковский оказался человеком слова.

Два первых тома – по шестьсот страниц каждый, выпущенные издательством Витковского «Водолей Publishers», – я возил с собой всю сумасшедшую выступательную неделю от Мурманска до Запорожья, восхищённо декламируя стихи Петрова всем, кто попадался под руку, и захватил в Америку, где и пишу эту статью.

Гляжу на фотографии автора – и диву даюсь. В облике его вроде и намёка нет на то, что этот человек может быть поэтом.

На обложке первого тома – какой-то предпенсионного возраста провинциальный заготпромхозовский бухгалтер с почти догоревшим чинариком, определённо выглядящим как один из «гвоздиков», которыми я в конце войны торговал на углу Сретенки и Колхозной площади врассыпную, надорвав пачку с краю. Правда, он к чему-то прислушивается. Кажется, к чему-то исходящему с неба. Глаза-то подняты. Малость сумасшедшие, да нет, скорей блаженненькие. Может, с бодуна. Да нет, они всё-таки просветлённые. Соловья, что ли, учуял?..

Я помню, какое нравственное очищение испытал, прочитав стихи дотолем неизвестного мне Михаила Анищенко из Самары, а потом он канул, будто в чару чащобную. Такое же чувство очищения испытал я, войдя, как в лес незнакомый, в стихи Сергея Петрова – но вовсе не потому, что он на меня сразу с проповедями навалился. Он больше исповедующийся, чем проповедующий, и уж кто-кто, а он не прикидывается чистюленькой, и солёным словом не брезгует, и в ревнючести дремучей зубами поскрежещивает, а вот меня, тоже греховодника, всё-таки лучше сделал, вроде ничего не делая для этого. Даже не поймёшь, как это у него получилось.

А потом я вспомнил, как Борис Леонидович Пастернак мне говорил, что настоящий профессионализм в искусстве всегда каким-то причудливым образом с нравственностью связан. Да почему, собственно, причудливым? Ведь профессионализм и начинается с любви к профессии, а какая же настоящая любовь безнравственна? Так вот, когда читаешь хорошо написанные стихи, или смотришь прекрасный спектакль, или замираешь, замороженный перед картиной, которую уже никогда не забудешь, – в тебе продолжается творческий процесс, начавшийся с самоочищения самих творцов. Профессионализм без опоры на совесть немислим. Но и без шаловливых игр с формой, напускающий на чело вселенскую скорбь, большой мастер невозможен.

Два тома Сергея Петрова – это торжество профессионализма, это две крепости, выстроенные из прочнейшего, звонкого русского слова. Сам Сергей Петров, его вдова Александра Александровна, спасшая эти стихи, и Евгений Витковский сделали прекрасный подарок России вдовгонку Году русского языка, объявленному ЮНЕСКО, празднику, который – уж извините за первый раз употребляемую мной печатно стилистическую виньетку – позорно про... воронили наши чиновники от культуры, не организовавшие ни одного фестиваля отечественной поэзии и прозы, ни одного международного симпозиума лучших писателей мира, посвящённого русскому слову.

А сейчас такое засилье заунывности и занудства в поэзии! Если раньше была показная гражданственность, сейчас царит показная безгражданственность.

Сергей Петров своей жизнью доказал непобедимость свободного человеческого духа при любой, даже самой жестокой несвободе. Он был настолько свободен внутренне, что не счёл нужным политически полемизировать с теми, кто швырнул столько талантливейших русских людей за колючую проволоку во время бес-

примерного антинародного самогеноцида. Он игнорировал палачей – и это было не жестом отчуждения, а формой презрения, и отщипением служила собственная тайная свобода, воспетая ещё Пушкиным.

Жизнь Сергея Петрова достойна монографий и диссертаций. Она явление, я бы сказал, лингвистически-литературное. Поэт мастерски лепил новые слова или так оживлял архаизмы, что они становились современными.

Не прижился и ещё не прожит,
дребезжа, бежит, как трень да брень,
грохнется – и рожу растворит
сам себе о лужу в этот день.

Или:

Да, раздумался шар земной,
аж кругом идёт голова-то!
Перед ним простор как хмельной,
но в просторе том – головато!

В составных рифмах он был абсолютным шестидесятником:

Ты – правда кривая, с занозой изъян,
По горло я сыт и до удали пьян,
но того, что сломано, жажду.

Или:

Рестораном выпер сон,
полный стол на сто персон.

Или:

Ну и пёс с ней, с этой песней!
Надоела мне до слёз.
Но и дома, и в толпе с ней
буду мыкаться, как пёс.

Или:

Богач благодушно на роскоши лёг
безмерно тушей. На мир же,
всем золотом злобствуя, рос кошелёк,
жирея от битвы на бирже.

Страшновато, когда он обнажает душу, срывая с неё всё, что прикрывает страдания за других, и отстаивает среди веселоребятовского оптимизма право не присоединяться к общему веселью:

Не хочется мне быть ни сильну, ни красиву,
похмелья не хочу ни на каком пиру,
и, право, тошно мне веселье через силу.
Позвольте мрачным быть, покуда не умру!

Как мастерски ввинчена сюда по природе своей фольклорная строка, с этими по-северному обрубленными прилагательными: ни сильну, ни красиву. Уж чего-чего, а мастерства или, как говаривали, «рукомесла» этому «казанскому сироте» Петрову не занимать.

Это будет где-нибудь
в Будапеште, в Пензе ль.
Припадёт ко мне на грудь
музыкальный вензель.

Иногда стихотворчество напоминает музыкальные упражнения, чтобы пальцы не огрубели, что ли:

Ты, царица моя, не капризничай!
Будь по-прежнему тихой и маленькой!
Я тебя, как епископа ризничий,
облачаю в божественной спаленке.

Иль постель вспоминаешь бездонную?
Или я тебе с ядом флакон даю?
Чем ты станешь? Дитятей? Мадонною?
Иль бессовестно сонной Джокондою?

Нет! Тебя сотворил Тициан из того
Тела, что олимпийцы алкали.
Спи, дитя, посинев от цианистого кали.

Тут уже перехлест – всё жертвуется ради того, чтоб красиво получилось. Но рифмочки-то какие!

Петров знает силу своего формального волшебства, и иногда оно поглощает его настолько, что он в нём, как в чаре, барахтается.

Ты – в ладонях ладанка эмалевая,
образок, где лика цел овал.
И, тебя у Господа вымаливая,
никогда б тебя не целовал.

Но ведь как побаловаться хочется, поплескаться в звуках – такой наслаждец!

Избави Бог меня от сплина
и от брюзжания старика,
пока невестится калина,
пока ребячится река.

А не от пастернаковского ли это – «Сколько надо отваги, // Чтоб играть на века, // Как играют овраги, // Как играет река»?

И волшебники на пустом месте не растут.

В тебе, замызганный домишко,
примкнусь к окну ли?
Тебе, как пёрышко, дымишко
в трубу воткнули.

Но демонстрация пересгущённой инструментовки может у Петрова совершенно неожиданно сменяться чем-то обезоруживающе доходчивым, простым, как мычание, и это тоже супермастерство:

Очень нежной тишиной
окружён я, как женой.

Или:

Я иду на озеро с рассветом
и за ветром девичьим слежу,
говорю с самим собой и в этом
нехорошего не нахожу.

Или:

И я ползу на радостных карачках
по краю смерти, через грязь, как трус,
иль о бульжник тёплым брюхом трусь,
с утра до вечера приподнимаюсь,
от вечности и по сегодня маюсь,
и пачкаюсь, и всё ещё смеюсь.

Шедевр целомудренной нестеровской простоты у Петрова – это, конечно, его «Спас-Нередица». Но он не пошёл в этом направлении, от простоты тянуло к усложнёнке.

Я обнаружил и влияние «Столбцов» Николая Заболоцкого:

Один мужик, от пота ряб,
стоял среди душистых баб,
распахнутых, как ворота,
от ручек и густого рта.
И их, всецело безбородых,
водили на желанный отдых
и доводили до лесов,
как водят на прогулку псов.
А там уж этот летний праздник
сам вёл себя, как безобразник,
и, погоняя по задам,
укладывал он в позы дам...

Не без приятности, что и мы пригодились ему, увидел написанное Петровым в 1968 году стихотворение, где есть явное влияние и моё, и Андрея Вознесенского:

Пусть залапанней, пусть залатанней!
Стыну я! Только чем же была ты мне?
Нет, не милочкой и не ёлочкой,
не заколочкой, не иголочкой,
не любовницей, не любимицей,
не таинственной нелюдимицей
и ни чуточки не трагической –
просто ножик ты хирургический.

Но если такие влияния и проскальзывают, то о них легко забываешь, когда возникает собственный голос с хриплицей, который нельзя спутать ни с кем:

Я с горя всё сожру. А правды мне натёрли
мозоли на глазах, и плачет желчью злость.
Я истинку пустил не на простор ли?
Но горлинкой она застряла в горле.
Ведь в каждой истине своя бывает кость.

Долгожданный выход стихов выдающегося поэта Сергея Петрова напоминает, что у нас ещё есть нераспознанный резерв открытий, и не только в архивах ушедших от нас людей старшего поколения, но и в рукописях упрямо не замечаемой молодёжи. Незамечаемость талантливых одиночек – это стратегия тусовок. А верность тусовкам и верность литературе – вещи несовместные.

Евгений Евтушенко